

Предисловие

Период с марта 1306 года, когда Роберт Брюс совершил отчаянную попытку заполучить шотландскую корону, до конца лета 1308-го, когда разгромил клан Макдугаллов в битве на перевале Брандер, являет собой пример одного из самых драматичных в истории падений с последующим взлетом.

Брюс проиграл уже к сентябрю 1306-го, через шесть месяцев после того, как был коронован в местечке Скун руками Изабеллы Макдуфф, графини Бьюкен. Король был вынужден бежать из своего королевства в поисках убежища за пеленой мрачных туманов Западных островов, но спустя полгода, преодолев мертвую хватку несомненного разгрома, с помощью тайного отряда лучших воинов, известного как Шотландская гвардия, Брюс вернулся в Шотландию и расправился не только с англичанами, но и с шотландскими лордами, которые восстали против него.

Однако не все сторонники Брюса сумели избежать гнева самого могущественного в христианском мире короля Эдуарда Плантагенета, самопровозглашенного «молотом шотландцев». Многим пришлось заплатить самую высокую цену, другие до конца дней страдали в застенках.

В это жестокое время, когда черта между жизнью и смертью зачастую была иллюзорна как тень, Брюс вновь призвал под свои знамена легендарных воинов Шотландской гвардии в надежде вернуть себе свободу.

Пролог

«Поскольку не сокрушила она мечом, то и не умрет от меча, но вследствие незаконной коронации, которую совершила, да будет она заточена в тесное обиталище из железа и камня в форме креста и да будет подвешена за стеной под открытым небом в Берувике, при жизни и после ее смерти, дабы была она выставлена напоказ и вечное порицание проезжающих путников».

Приказ Эдуарда I о заключении
Изабеллы Макдуфф, графини Бьюкен
*Замок Берувик, Берувик-апон-Твид, Английская
Марка близ шотландской границы,
конец сентября 1306 года*

Они пришли за ней.

Белла услышала, как открылась дверь, и увидела констебля в сопровождении нескольких стражников. Но ее ум по-прежнему отказывался принимать правду.

Это происходит не наяву. Этого просто не может быть.

В те недели, пока для нее строили особую тюрьму, Белла твердила себе, что кто-то непременно вмешается и положит конец этому варварству под маской правосудия.

Ее обязательно спасут.

Вдруг Эдуард I все-таки смягчится, как было в случае с дочерью и супругой Брюса, и отправит ее в монастырь? Или, может статься, бывший супруг Беллы, граф Бьюкен, смирит свою ненависть и будет умолять о милосердии от ее имени?

Пусть враги ее ничего не сделают. Но ведь она может рассчитывать на помощь друзей? Брат мог бы употребить свое влияние, ведь он любимчик сына короля, или Роберт... Роберт должен что-нибудь сделать. Не может он бросить ее в несчастье после всего, чем она рискнула ради того, чтобы возложить на его голову корону.

В минуты слабости она даже твердила себе, что, возможно, заблуждается насчет Лахлана Макруайри: может, прослышав о том, что придумал для нее Эдуард, он вернется и найдет способ ее освободить.

Ну не могут эти мужчины бросить ее на произвол судьбы.

Увы, никто так и не пришел, никто не вмешался. Эдуард вознамерился наказать ее так, чтобы другим неповадно было; муж ее презирал; а брат и сам был узником, пусть и привилегированным; Брюс сражался за собственную жизнь, а Лахлан... был одним из тех, кто засадил ее сюда.

Белла была совсем одна, если не считать кузину Маргарет, которой предстояло стать ее служанкой, — единственная уступка ее благородному происхождению, на которую расщедрился Эдуард.

Комендант замка Берувик, сэра Джон де Сигрейв, один из полководцев Эдуарда в военной кампании против Шотландии, смущенно откашлялся, избегая встречаться с ней глазами. Похоже, даже приспешник Эдуарда не одобряет чинимое своим королем «правосудие».

— Час настал, миледи.

Приступ ужаса мгновенно сковал Беллу так, что сердце, казалось, перестало биться. Она застыла, как лань при виде охотника, затем включился инстинкт, запуская безумный ток крови в жилах. Она почувствовала неодолимое желание бежать куда глаза глядят, прочь от стрелы, нацеленной прямо в сердце.

Похоже, один из стражников угадал ее мысли, потому что выступил вперед, схватил за руку и потянул, заставляя встать. От его прикосновения Беллу передернуло. Ее бросало в дрожь при одном виде сэра Саймона Фитцхью, жестокого капитана гвардии, с его красным, вечно потеющим лицом, зло-
вонным дыханием и похотливыми взглядами.

Он потащил ее к двери, но она вздумала было сопротивляться: отпрянула назад, упираясь ногами в каменный пол, отказываясь двигаться, — пока не увидела его ухмылку. Злорадные огоньки в его глазах сказали ей, что именно этого он и ждал: сопротивления, чтобы видеть ее страх. Хотел протащить ее через весь замковый двор, на глазах у всех, чтобы унижить и опозорить.

Осознание этого ослабило ее сопротивление. Белла окинула мучителя ледяным взглядом и жестко потребовала:

— Убери руки!

В глазах его вспыхнул гнев, и Белла поняла, что совершила ошибку, выказав высокомерное презрение. Позже, когда окажется всецело в его власти, ей придется сполна заплатить за свои слова: негодай не совершит над нею насилия — пусть ее заклеямили как мятежницу и признали виновной в предательстве, но она все еще графиня, — зато отыщет другие способы наказать ее и превратить жизнь в ад в следующие...

Новый приступ панического ужаса сковал сердце Беллы. Дни? Месяцы? Она пыталась проглотить ком в горле. О господи — а что, если годы?

Она почувствовала горечь желчи во рту. Желудок скрутило судорогой, когда вслед за комендантом Белла вышла из комнатки при караулке, что служила ей временной тюрьмой.

Первое, что заметила она, шагнув наружу после месяца заточения, был вовсе не яркий дневной свет, и не свежий воздух, и не огромная толпа, которая собралась, чтобы смотреть на ее мучения, а пронзительный ветер и резкий холод, пробирающий до костей. Тяжелые шерстяные одеяния, в которые она закуталась, вмиг показались ей невесомыми, точно тоненькая нижняя сорочка.

Такой жуткий холод — в сентябре. А что же будет в декабре или в январе, когда ее подвесят на вершине башни, где защитой от жестоких восточных ветров будут лишь железные прутья клетки-тюрьмы? Ее пронзила дрожь.

И это не укрылось от ее тюремщика.

— Кажется, зима в этом году ранняя, не так ли, графиня? — Ее титул мерзавец произнес с издевкой, а потом ткнул пальцем вверх, в направлении башни, наклонился ближе, опаяя ее кожу зловонным дыханием. — Га-

даете, уютно ли будет в вашей клетке в снег и ледяной дождь? Я готов вас согреть, если попросите полюбезнее!

Он буквально ошупывал глазами ее грудь, и она почувствовала себя нечистой, хотя была закутана в толстые шерстяные одежды до самого подбородка. Похоть в его взгляде ощущалась буквально физически, и эту вонючую мерзость не смыть, сколько ни три себя мочалкой.

От отвращения Белла вздрогнула, запретив себе смотреть в том направлении, куда указывала его рука, иначе им придется тащить ее волоком через двор замка. Нельзя, чтобы он видел ее страх: уж лучше замерзнуть до смерти, чем дать ему возможность испытать триумф.

Глаза Фитцхью вспыхнули злобой — мучитель понял, что она не лукавит, и сплюнул на пол буквально в дюйме от шитого золотом подола ее дорогого платья.

— Надменная сука! Через недельку-другую у тебя поубавится спеси!

Тут он ошибался: гордость — это все, что у нее осталось, что придаст ей сил и поможет выжить. Ведь она Макдуфф, представительница древнего рода мормэров Файфских — высочайшего в Шотландии, дочь графа, сестра графа да еще и жена графа, пусть и нарушившая супружеские обеты.

У английского короля нет никакого права ее судить, и тем не менее он приговорил ее, да еще с небывалым варварством, в наказание: чтобы охладить пыл мятежников, осмелившихся подержать притязания Роберта Брюса на шотландский престол.

Ни благородная кровь, ни принадлежность к женскому полу не стали для нее защитой: Эдуарду Плантагенету, королю Англии, до этого не было дела. Ведь она посмела короновать мятежника, и за это преступление ее подвешат в клетке на самой высокой башне замка Берувик, открытой всем стихиям и любопытным взглядам, чтобы каждый мог увидеть ее и содрогнуться от страха.

Белла и представить не могла, чего будет стоить ей один безрассудный поступок. Дочь. Свобода. А теперь... это.

Она хотела совершить что-то очень важное: помочь родной стране, исполнить свой долг, — но вовсе не в наказание кому бы то ни было.

Этого не должно было случиться.

Господи, какой наивной дурой она была! Именно так сказал Лахлан, обвиняя ее в самоуверенности, бескомпромиссности и непоколебимом максимализме.

А теперь посмотрите-ка на нее!

И все же не могла она согласиться с Лахланом: не может он быть прав. Иначе ради чего все это?

Нет, не стоит думать об этом негодяе: слишком уж больно. Как он мог так поступить? Возможно, потом — у нее ведь будет достаточно времени, чтобы проклясть Лахлана Макруайри. Чтоб ему провалиться в преисподнюю, откуда он, несомненно, и появился!

Руки сами собой сжались в кулаки. Нет, она не должна показывать им свой страх. Они не смогут сломить ее. Так твердил ей разум, но сердце испуганно трепетало, когда она медленно шла через замковый двор.

Но что происходит? Толпа, которую собрали, чтобы орать, свистеть, улюлюкать, называть ее грязными словами и швырять в нее гнилыми яблоками и объедками, безмолвствовала: вокруг царила гробовая тишина.

Жители прославленного ярмарочного городка, когда-то принадлежавшего Шотландии, не понаслышке знали о немолимой жестокости английского короля. Десятью годами раньше Берувик пал, а его жители были перебиты, что стало актом величайшей жестокости, совершенным в ходе долгой и опустошительной войны между Англией и Шотландией. Ни женщинам, ни детям, ни старикам — никому не было пощады в той бойне, которая продолжалась двое суток и унесла тысячи жизней.

Безмолвие толпы было протестом, знаком осуждения, предостережением королю Эдуарду и свидетельством чудовищной несправедливости.

От нахлынувших чувств Белла ощутила стеснение в груди, глаза жгло от подступивших слез. Нежданно-негаданно она поняла, что вовсе не одинока: у нее все-таки есть поддержка. Не все покинули ее! И все же тонкие нити гордости, которые не давали ей пасть духом и телом, угрожающе натянулись.

Что-то мелькнуло в воздухе: она уловила движение краешком глаза и инстинктивно отпрянула, опасаясь, что кто-нибудь все-таки чем-нибудь в нее запустит, — но вместо гнилого яблока или тухлого яйца увидела у своих ног бутон алой розы.

Один из стражей попытался остановить ее, когда она нагнулась поднять цветок, но она остановила его взмахом руки и громко произнесла:

— Это всего лишь роза! Неужели воины Эдуарда боятся даже цветов?

Издевка в ее голосе была услышана, и толпа отреагировала смешками и язвительными замечаниями. Рыцарям Эдуарда полагалось быть образцом благородства, но ничего подобного не было в том, что совершалось в этот день.

Фитцхью хотел было вырвать розу из ее руки, но его остановил сэр Джон:

— Не стоит. Проявим милосердие: какой вред в цветке?

Белла подоткнула розу под фамильную брошь Макдуффов, скреплявшую полы подбитой мехом накидки, и склонила голову в знак признательности за безмолвную поддержку толпы.

Розовый бутон — при всей его незатейливости — придал ей сил: не все ее покинули, шотландцы с ней, — но, войдя в башню, узница оказалась в полном одиночестве. Мрак внезапно окутал ее, как могильное нутро. Мысли о безрадостном будущем уже не отпускали Беллу. Каждый шаг становился медленнее и тяжелее предыдущего, давался с большим трудом, пока ее вели вверх по узкой лестнице, похожей на колодец. Ей казалось, что она погружается в трясину, глубже и глубже, и беспомощно тонет, не в силах выбраться.

Она попыталась прогнать страх, но он вгрызался в нее как стая голодных волков.

Наконец они дошли до самого верха и остановились на запруженной людьми лестнице, пока комендант возился с новеньким замком на двери, ведущей к зубчатому навершию башни. Здесь будет выставлена охрана, чтобы исключить любую возможность побега узницы.

Наконец дверь распахнулась, и порывом ветра Беллу чуть не сбило с ног.

Боже правый! Она и представить себе не могла, что будет так холодно! Белла инстинктивно отпрянула, отказываясь сделать шаг вперед, но стражники за ее спиной сомкнули строй, вынуждая выйти на крышу.

Ветер хлестал так, что едва не сорвал с плеч накидку, и ей пришлось вцепиться в полы руками и выйти к башенным зубцам. Похоже, от неизбежной расправы не уйти. Она медленно подняла глаза, чтобы рассмотреть наконец то, к чему приговорил ее Эдуард, и с губ ее слетел испуганный вскрик. Белла знала, чего ожидать, но ноги все равно подкосились при виде встроенной в парапет клетки из железа и камня, имевшей форму креста.

Крест! Рассматривая это чудовищное сооружение, Белла меньше всего думала о христианстве. Деревянные решетчатые стены перекрещивались железными прутьями и удерживались между зубцами парапета посредством камня и металлических скоб. Клетка больше напоминала склеп — не более шести футов в длину и четырех в ширину. Господи, да она не сможет там повернуться! Не было даже кровати, лишь соломенный тюфяк, на котором ей предстояло спать. Маленькая жаровня была слабым спасением от пронизывающего холода. В один из углов был вделан грубый табурет, а в другом стоял деревянный ящик с крышкой...

Ее затосило, когда она поняла, что это такое. Ей не позволят даже выходить в уборную: нужду придется справлять в этот ящик, — ее хваленая сила воли начала давать сбой.

Белла инстинктивно попятилась, но тюремщик был начеку:

— Передумали, графиня? Как по мне, так слишком поздно. Надо было думать головой, прежде чем бросать вызов величайшему королю всего христианского мира!

Так стояла она на башне и разглядывала жуткую клетку, понимая, что придется в нее войти. Вот только получится ли из нее выйти? И Белла, к собственному стыду, вынуждена была признаться себе: ее решимость дрогнула. Может, негодяй прав? В этот момент ее убеждения и вера в правоту собственного поступка дрогнули под напором ужаса... но

10 всего на одно мгновение.

Это просто клетка, сказала она себе. Ей выпадали испытания и похуже: когда обвинял и подозревал муж; когда ее гнали по всей Шотландии, точно собаку; когда предал мужчина, которому доверилась; но самым страшным была разлука с дочерью.

Мысль о дочери придавала Белле сил. Она должна все вынести, чтобы вновь увидеть Джоан.

— Он мне не король.

Изабелла Макдуфф, посмотрев своему грязному учителю прямо в глаза, с высоко поднятой головой вошла в железную дверь своей клетки.

Глава 1

Замок Балвени, графство Мори, шесть месяцами раньше

Белла не видела ничего вокруг. Мысли метались — столько всего нужно было сделать перед отъездом. Брошь! Семейную драгоценность Макдуффов нужно непременно надеть на церемонию.

Вот и отсутствие в дверях стражи она заметила лишь тогда, когда было слишком поздно. Ее застали врасплох, напад сзади, когда она входила в свою спальню. Это было так неожиданно и страшно, что сердце ее чуть не выпрыгнуло из груди. Нежданный гость прямо-таки излучал опасность: громила, гора мышц — сопротивляться такому все равно что сражаться со скалой.

Но Белла не собиралась сдаваться без боя: пытаюсь освободиться, лягнула его ногой, но он лишь сильнее стиснул ее своими ручищами. Закричать не позволила его ладонь, зажавшая рот.

— Не дергайтесь! — хрипло сказали ей на ухо. — Я не сделаю вам ничего дурного. Я здесь, чтобы отвезти вас в Скун.

Она замерла, впитывая его слова сквозь пелену страха. Скун? Но ей надлежит ехать в Скун только завтра. Люди Роберта должны разыскать ее в лесу, когда она будет возвращаться из церкви, а не похищать из замка.

Ее сердце бешено стучало, пока она пыталась уразуметь, что к чему, и решить, можно ли доверять незнакомцу. Но сильная рука, затянутая в кожу, вдруг сдавила ее плечи. Боже правый, этот грубиян мог бы переломить ее надвое, стоило только нажать посильнее.

Так они стояли в полутьме, не двигаясь, пока он ждал, когда его слова дойдут до ее сознания.

— Вы понимаете?

Грубый голос не способствовал тому, чтобы она успокоилась, но разве у нее был выбор? Она едва ли не задышалась, когда его рука так плотно зажимала рот. Кроме того, он мог бы давно ее прикончить, если бы это входило в его планы. Это немного успокоило, и Белла кивнула, а как только он отпустил ее — медленно и очень осторожно, — и воздух вновь наполнил ее легкие, обернулась к нему с яростью и негодованием:

— Что все это значит? Кто...

Слова застряли в горле, стоило рассмотреть нападавшего. Даже того тусклого света, что пропускало окошко башни, было достаточно, чтобы понять: он очень опасен и явно не из тех, с кем захотелось бы остаться наедине не то что в темноте, но даже при свете дня. Сердце Беллы сжалось от страха.

Господь все милостивый на небесах! Неужели Роберт действительно послал к ней этого человека?

Своим телосложением он мог внушить робость кому угодно: высокий и широкоплечий — сплошь мускулы, просто гора мускулов, могучий воин до кончиков ногтей, крепкий, сильный, опасный. Но ей хватило одного взгляда, чтобы понять: он не рыцарь. У него был вид воина, рожденного для битв, даже скорее варвара, способного драться даже в сточной канаве.

Кажется, того оружия, что было приторочено к его поясу, хватило бы для снаряжения небольшой армии. А еще она заметила рукояти двух мечей, расположенных на спине крест-накрест. Брони на нем не было: только черная кожаная стеганая куртка-акетон и поножи, утыканные маленькими стальными заклепками. Кольчужное оплечье черного металла прикрывало шею.

Беллу поразили глаза незнакомца. Под устрашающего вида шлемом, снабженным носовой пластиной, они казались неестественно живыми и столь яркими, что они, казалось, горели, пронзая темноту.

Ни разу в жизни не доводилось ей видеть таких глаз. По спине пополз холодок, разбегаясь по коже точно ледяные колючие иглы.

«Кошачьи глаза, — подумала она. — Глаза хищника, под пристальным взглядом которых цепенеешь».

— Лахлан Макруайри, — сказал он, отвечая на незаданный вопрос. — Прошу прощения, графиня, что напугал вас, однако ничего не поделаешь: времени у нас мало.

Второй раз за вечер Белла лишилась дара речи. Лахлан Макруайри? Ее глаза стали похожи на блюдца. Так этого человека Роберт отправил к ней, чтобы благополучно переправить в Скун? Наемника? Да не просто наемника, а человека, чьи подвиги на Западных островах снискали ему самую зловещую во всей Шотландии славу? Грозы морей в царстве пиратов?

Тут наверняка какая-то ошибка. Лахлан Макруайри продал бы мать родную тому, кто больше даст (если нашлась бы женщина, которая добровольно признала бы себя его матерью). Незаконнорожденный, по крови он был наследником одного из крупнейших владений на Западных островах. Земли клана отошли к законной наследнице, его сводной сестре Кристине, однако номинально он все равно числился вождем клана. Вот только долг и ответственность были для этого разбойника пустым звуком; когда-то он бросил своих людей на произвол судьбы ради собственной выгоды.

Варвар с черным сердцем — если у него вообще было сердце. Ходили слухи, будто он убил собственную жену.

Белла не знала, что и думать. Столько было поставлено на кон! Как можно поверить, чтобы Роберт послал к ней этого... этого лесного разбойника!

Белла всматривалась в темноту, силясь рассмотреть то, чего не заметила сразу. Святые угодники, только полюбуйтесь на него! Он и выглядел как настоящий головорез. Она могла бы биться об заклад, что его подбородок не видел бритвы добрую неделю, а вдоль линии челюсти змеился шрам. Его пронзительный взгляд обладал такой силой, что мог бы резать камень. Из-под шлема торчали густые спутанные темные волосы, давно не стриженные и скорее всего не мытые,

а лицо, насколько она могла видеть, было словно вы-

сечено из холодного сурового гранита. С некоторым удивлением она признала, что его взгляд исподлобья, квадратный подбородок, высокие скулы и крупный рот можно было бы считать красивыми — нет, исключительно красивыми, — если бы не исходившее от всего его облика ощущение угрозы. Как жаль, что к такому лицу прилагалось черное сердце!

Их глаза встретились, и Белла поняла, что не только она здесь любопытный наблюдатель: он рассматривал ее с не меньшим интересом. Она физически ощущала, как, затаившись во мраке сумерек, он ощупывает ее своим взглядом.

Вдруг в его глазах зажегся огонек, отчего Белла вдруг смутилась, сама не зная почему. Ведь она привыкла к тому, что мужчины смотрят на нее горящими глазами.

Ей едва сравнялось тринадцать, когда это началось. Как раз в это время у нее налилась грудь и округлились бедра, а личико утратило детскую пухлость. С тех пор мужчины стали смотреть на нее по-новому, так, будто хотели от нее только одного.

Она научилась не обращать внимания на такие взгляды, но сейчас все было по-другому. Над ней словно нависла угроза — подобных ощущений она никогда не испытывала. Пульс участился, по коже разлился странный жар.

Она инстинктивно отшатнулась. Он заметил ее испуг, и взгляд его сделался жестче.

— Лахлан Макруайри, — повторил он, не скрывая раздражения. — Меня послал Брюс.

— Я знаю, кто вы, — буркнула Белла, не в силах скрыть отвращение.

Грубиян процедил сквозь плотно сжатые зубы:

— Понимаю, что вы не ожидали увидеть меня, но планы поменялись.

Белла едва не рассмеялась — это же бессмыслица какая-то! Сказать, что она не ожидала его увидеть — значит, не сказать ничего. О чем только думал Роберт, посылая к ней этого негодяя?

Она рисковала всем, чтобы отправиться в Скун и возложить на голову Роберта корону, — исполнить долг, которого не смог исполнить ее брат, фактически узник Эдуарда при английском дворе.

Когда примерно неделю назад ее мать, Джоан де Клер, впервые пришла к ней с этим предложением, Белла просто онемела: возложить корону на голову Роберта Брюса — мятежника, объявленного вне закона! Да это же вызов не только могущественнейшему в христианском мире королю Эдуарду Английскому, но также и ее супругу!

Джон Комин, граф Бьюкен, был отпрыском одного из могущественнейших семейств Шотландии, заклятых врагов и соперников Брюса. Соперничество это несколько недель назад принесло им смерть, когда Роберт заколол кузена ее мужа, лорда Баденоха, перед высоким алтарем монастыря Грейфрайерс в Дамфрисе.

Даже сейчас ее супруг пребывал в Англии, требуя у короля Эдуарда справедливого суда над убийцей двоюродного брата. Бьюкен презирал Брюса и скорее предпочел бы признать своим господином Эдуарда, нежели видеть на шотландском троне Роберта Брюса. Бьюкен не слышал доводов разума. Благо для родной Шотландии отступало перед силой его ненависти.

Если она это сделает, муж никогда ее не простит. С его точки зрения, это не долг, а предательство. Ее поступок станет концом их супружества — пусть даже несчастливого.

Однако семье Макдуфф принадлежало наследственное право короновать шотландских королей, и без их участия в церемонии люди стали бы сомневаться в ее законности. Многие знатные аристократы Шотландии стали бы оспаривать притязания Роберта на трон — в их числе и ее супруг. Брюсу, дабы его королевская власть стала в глазах остальных законной, понадобится доказать приверженность древним традициям и символам.

И даже в этом случае дело еще не выиграно! Роберт выбрал тропу — борьбы долгой и трудной. Его права были отнюдь не бесспорны. Белла не хотела себя обманывать: публично объявив себя сторонницей Брюса, она ставила под сомнение заодно и собственное будущее. Английский король, претендовавший на владение Шотландией, заклеит ее как мятежницу.

Если Брюс проиграет, если не сумеет заручиться поддержкой шотландских аристократов, то против Эду-

арда ему не устоять, а бросить вызов Эдуарду Плантагенету — это подписать себе смертный приговор.

Белла всегда спрашивала совета у матери. Недавно Джоан де Клер вышла замуж за одного из соратников Брюса, но это явно не единственная причина, отчего она просила Беллу поддержать Роберта. Как и Белла, она хотела видеть Шотландию свободной от английской тирании; и они обе были уверены, что тот, кому под силу этого добиться, именно Роберт Брюс. Мать верила в правоту его дела почти так же истово, как сама Белла. Эдуард Плантагенет железной рукой сжал горло Шотландии, а Роберт Брюс был ее последним дыханием.

Ей пришлось пойти на риск, ведь этого момента — шанса совершить что-то по-настоящему важное — она ждала всю жизнь. Наконец-то она исполнит свой долг, докажет преданность стране, сможет защитить то, во что верит, за что стоит сражаться.

И это вовсе не тот долг, что так долго удерживал ее подле супруга. Бьюкен оказался недостойн ее преданности, и только ради дочери терпела она вспышки его злобной ревности, подозрения и всепоглощающую похоть. Она могла бы еще сомневаться — ради благополучия дочери, — не обмолвись он как-то раз, что подумывает о помолвке двенадцатилетней Джоан с одним из своих друзей, который вчетверо старше ее.

Белла скорее умерла бы, чем допустила такое, поэтому сразу дала согласие, как только мать сумела убедить ее, что Джоан лучше уехать с ней.

Увидев громилу, которого послал к ней Брюс, Белла встревожилась: во что же такое она ввязалась? Если Роберт полагается на таких головорезов, как Лахлан Макруайри, то мятеж обречен, не успев начаться.

Сколько, интересно, ему заплатили? Да и у кого хватит золота, чтобы купить преданность таких, как Макруайри?

А Макруайри тем временем, сложив руки на груди, скрежетал зубами от нетерпения. Ее опять поразили его габариты. Ну и ручищи! Такие мускулы можно нарастить, только если махать мечом на полях бесчисленных сражений.

— Что-то не так?

— Я ждала...

Она уставилась в темноту, словно надеялась увидеть отряд рыцарей в сверкающей броне.

Его глаза превратились в шелки, как будто он сумел прочитать ее мысли.

— Где же остальные? — спросила, запинаясь, Белла.

Похоже, ее вопрос его развеселил, если кривое подергивание губ можно принять за улыбку.

— Дожидаются внизу.

— Как вы вошли сюда? И что стало со стражей?

Он усмехнулся и, проигнорировав вопрос, окинул ее пристальным взглядом.

— Надеюсь, Бьюкен ни о чем не подозревает?

Белла чуть не рассмеялась. Ее супруг всю жизнь только тем и занимался, что подозревал всех вокруг. Впрочем, теперь ей нет до него дела. Но она поняла, что Лахлан имел в виду ее намерение поддержать Брюса.

— Меня стерегут вовсе не из-за этого.

Он вопросительно взглянул на нее, однако не спросил, что она имеет в виду. Впрочем, она бы все равно не сказала.

Разбойник истощил запас любезностей — если это были любезности, — и теперь ему явно не терпелось покончить с делом, ради которого явился. Он подошел к окну, стараясь держаться вне поля зрения кого-то находившегося во дворе.

— Идемте. — Он взял ее за локоть, и в ответ на его прикосновение каждый нерв ее тела вспыхнул искрами. — Нам нужно спешить. Времени нет. Возьмите накидку и что там еще вам понадобится, только поживее.

О чем это он? Отъезд предполагался не раньше завтрашнего дня, так что ничего не готово. Она как раз собиралась этим заняться — даже с ужина ушла пораньше.

Белла вырвала у него свою руку.

— Никуда я не пойду, пока не объясните, в чем дело.

Ей казалось, более угрожающей физиономии ей видеть не приходилось, но когда незнакомец нагнулся к ней, его жуткий, пронизывающий взгляд буквально пригвоздил ее к месту. Даже в темноте его глаза сверкали зеленым

огнем, как два изумруда на солнце.

— Хотите знать, в чем дело? — Схватив за плечи, он толкнул Беллу к окну. — А вон в тех знаменах вдали, за лесом. Минут через десять ваш муженек со своими людьми будет у ворот замка, и на вашем месте я бы предпочел оказаться как можно дальше отсюда, когда он сюда явится.

Она ахнула, и кровь отлила от ее лица. Поймав его враждебный безжалостный взгляд, она прочла ответ на свой вопрос: каким-то образом Бьюкен узнал про ее план.

И если он найдет ее — точно убьет.

Лахлан заметил, как она побледнела, и пожалел бы, что был груб с ней, если бы не манеры этой заносчивой графини. Как она на него смотрела: того и гляди испепелит взглядом. Было видно, что ей были противны его прикосновения.

Это почему-то злило его, хотя видит Бог, ему это не впервой, и вполне заслуженно: бастард, безжалостный убийца, беспринципный пират. Были и другие, не менее «лестные» титулы, которыми его награждали. Даже в недавно созванной Шотландской гвардии к нему относились с подозрением.

Впрочем, ему было плевать, кто и что о нем думал, но презрение, которое он видел в этих огромных синих глазах, его просто взбесило, как и многое другое в Белле Макдуфф, по правде говоря.

Помоги ему Господь, но его до сих пор трясло от вождения. Ничего подобного с ним не случилось с тех пор, как...

Он стиснул зубы. Только не с тех пор, как впервые увидел Джулиану. Если что-то и могло наверняка заморозить его пыл, так это мысль об этой лживой суке, его жене. Но Джулиана вот уже восемь благословенных лет не его печаль. Она там, где ей самое место: в аду, дает жару самому дьяволу.

Внешне Белла Макдуфф ничем не напоминала его покойную жену. Джулиана была высокой и тоненькой, точно тростинка, с нежным личиком и черными как смоль, как ее сердце волосами. Графиня же обладала белой кожей, волосами цвета льна и яркими чертами лица. При среднем росте она имела роскошные формы: полную высокую грудь и крутые бедра.

Обе женщины были привлекательны — даже скорее красивые, — но не это сближало их, а та самая неподдающаяся определению особенность, чертовщинка, как

говорят французы, от которой вскипает кровь: манера бросать взгляд, как бы вскользь, изгиб губ, неприкрытая чувственность, которая буквально хватала мужчину за причинное место и не отпускала.

Они обе были из таких, кого побыстрее хочется затащить в постель.

Если бы с Джулианой он ограничился именно этим, избавил бы себя от многих бед, но похоть так затуманила взор, что правду о своей жене он узнал лишь тогда, когда стало слишком поздно. Вождение сыграло с ним злую шутку, выставив полным идиотом. Больше он ничего подобного не допустит.

— Осторожнее с графиней, — предупредил его Брюс, загадочно улыбаясь. — Она может... отвлечь.

Теперь, по крайней мере, он понял суть предостережения Брюса. Но королю не о чем беспокоиться: похоть — последнее, чему Лахлан был готов дать волю во время выполнения важного поручения. У него и так забот полон рот. Примерно час назад их прекрасный, выверенный план встретил осложнение, когда Маккей перехватил двух гвардейцев Бьюкена: их отрядили скакать в замок, чтобы предупредить о приезде графа.

Само по себе прибытие Бьюкена не было такой уж большой бедой. Они все равно могли действовать как было условлено: похитить графиню с дочерью по дороге с воскресной службы — только ради церкви ей и дозволялось покидать замок, — но Лахлан лучше, чем кто бы то ни было, знал, что важные поручения редко идут по плану. Из допроса пленников Маккею стало известно, что кто-то нашептал графу и о коронации, и о роли во всем этом его собственной жены.

Это меняло все. Как только граф вернется, замок будет наглухо закрыт, как женский монастырь, и графиня вряд ли покинет его пределы в ближайшие месяцы, хотя бы даже и ради церковной службы. Маккей рассчитал, что у них примерно час времени.

Лахлану понадобилась четверть этого часа, чтобы пробиться сквозь замковые ворота, и почти вдвое больше, чтобы разыскать графиню, что оставляло ему всего минут

20 пять до того, как Гордон начнет заварушку. Так что,

видит Бог, у него не было времени убеждать свою надменную поделницу поневоле в том, что он вполне подходящая для нее компания.

Похоже, однако, что суровость его слов произвела в ней чудесную перемену. Страх — отличный побудительный мотив. Она бросилась к гардеробу, выхватила темную накидку и поспешно накинула на плечи, а потом сняла с полки маленькую деревянную шкатулку, покрытую искусной резьбой.

Догадка Лахлана, что в шкатулке лежат драгоценности, подтвердилась, едва она откинула крышку. Кровь Христова! Да эти сокровища достойны султана!

Он ожидал, что графиня переложит содержимое шкатулки в вышитую сумочку, висевшую у нее на поясе, но лишь что-то разыскав, она опустила крышку и вернула ее на полку.

— Я готова.

Лахлан взглянул на шкатулку.

— А ее вы что, не берете с собой?

Она прищурилась, явно ожидая, что он решил прихватить шкатулку. Да он и правда едва противился соблазну! Такие драгоценности решили бы все его проблемы с долгами.

— Все это принадлежит моему мужу, а для меня имеет значение всего один предмет.

Так мог бы говорить тот, кто прожил в богатстве всю жизнь. Легко лицемерить, если носишь роскошную одежду, вкушаешь тонкие яства и не думаешь о завтрашнем дне. Он окинул взглядом массивный золотой ободок, стягивавший блестящие длинные волосы, затем богато вышитое золотом платье, подбитую мехом накидку, тяжелое ожерелье из сапфиров и жемчуга, кольца, украшавшие тонкие пальцы, и, наконец, изящные шелковые туфельки.

Ее щеки порозовели, и Лахлан понял, что она догадалась, какие мысли пришли ему в голову. Графиня вскинула подбородок.

— Если у вас больше нет вопросов, мы можем идти за моей дочерью.

Ах да, он забыл про девчонку, хотя не понимал, зачем тащить ребенка через половину Шотландии, где идет война. Впрочем, это не его дело.

Три года Лахлан выполнял поручения Брюса: самые разные, как приятные, так и неприятные, — и, как он подозревал, именно последние обеспечили ему авторитет среди воинов секретной гвардии Брюса. Мог он похвастать и другими качествами: беспощадностью в бою, искусным владением мечом, — делал все, что требовалось, и война щедро его вознаграждала, как и других мужчин, лишенных особой щепетильности.

Война как помойная яма: замараны все без исключения, — а разница между людьми заключалась лишь в том, что одни притворяются, оправдывая себя благородными лозунгами или любовью к родине, а другие — нет.

Лахлан был честен перед собой, политику ни во что не ставил, воину-наемнику незачем и некогда рассуждать об идеалах — так проще. На стороне Брюса он согласился воевать по одной простой причине: долги. Договор с Брюсом решал все его проблемы.

Лахлан устал делать грязную работу за других. Если дело выгорит, он больше не станет воевать: заберет обещанную награду, выплатит долги, и у него останется достаточно денег, чтобы отправиться куда-нибудь подальше — например, на остров на западе, — чтобы никому не подчиняться и жить так, как хочется.

Но для того, чтобы это благословенное время наступило, Брюс должен стать королем, и если Изабелла Макдуфф может тому способствовать, Лахлан притащит ее куда угодно вместе с дочерью.

— Где она?

Графиня прикусила губу, и этот совершенно невинный жест показался ему таким эротичным, что он почувствовал тяжесть в паху и быстро отвел взгляд, раздосадованный этим редким для себя приступом слабости.

— Я оставила ее в большом зале. — Ее голос буквально звенел от волнения. — Я думала, у нас еще есть время — до завтра, вот и не торопила ее за ужином. Мы не можем уехать без нее! — воскликнула Белла, схватив его за руку.

Лахлан вздрогнул всем телом, каждый мускул живо откликнулся на ее прикосновение. Его как будто пронзи-

ла молния. Впервые графиня сама прикоснулась к нему, но, похоже, сама не сознавала, что делает. Ею владел только страх за дочь. Ее прекрасное лицо было исполнено отчаяния и надежды найти отклик в его душе. Огромные синие глаза, темные брови вразлет, угольно-черные ресницы, прямой нос, безупречная кремовая кожа, чувственный изгиб губ, которым позавидовала бы куртизанка... Кто бы устоял перед такой красоткой?

Лахлан стиснул зубы. Не привыкший говорить обиняками, он должен был прямо ей сказать, что отвлекающий маневр задуман как раз по пути отсюда в большой зал и вот-вот начнется стычка, что у них один шанс из двадцати успеть добраться до девочки до того, как разверзнется ад, но отчаяние в ее голосе заставило его промолчать.

Если Изабелла Макдуфф и собиралась предать супруга и способствовать коронации его врага, то к дочери это никак не относилось: ее графиня, вне всякого сомнения, любила. Поскольку Лахлан был не из тех, кто теряет голову от хорошенького личика и пары восхитительных грудок, да и мольбы на него не действовали, он знал, что есть и другой резон придержать язык: его миссия. Инстинкт подсказывал: открой он ей правду, и она начнет брыкаться, — а это недопустимо. Промедление смерти подобно: у них и так фора — меньше некуда.

— Ее приведет кто-нибудь из моих людей, — сказал Лахлан, припомнив, как страстно графине хотелось разглядеть в темноте кого-нибудь — все равно кого — другого, кто мог бы стать ее провожатым.

Интересно, подумалось ему, что она скажет, когда узнает, что их тут всего трое.

Он даже поверил было собственным словам: на мгновение, — но едва они успели покинуть башню, как в ночном воздухе гулко ухнул громовой раскат.

Время истекло.

Белла проклинала себя за то, что оставила Джоан в большом зале и вернулась в свои покои собраться к завтрашнему отъезду. Хоть она и твердила себе, что не могла заранее знать, как изменится ситуация, но это было

слабым утешением против тревоги и страха, сжимавших материнское сердце.

Она изо всех сил старалась, чтобы любопытная девочка ничего не заподозрила: так было безопаснее и для Джоан, и для нее самой. Нечаянная оговорка дочери могла привести к трагедии.

Но несмотря на ее старания, муж все-таки узнал. Как это произошло? Да какая теперь разница? В своей ярости Бьюкен не ведал границ. Наконец-то, после стольких лет безосновательных обвинений и подозрений Белла действительно предала мужа, его гнев был оправдан.

Содрогнувшись от ледящего холода, внезапно ее охватившего, она поспешила за презренным наемником Брюса по освещенному факелами коридору на лестницу главной башни, а затем и во двор замка. Белла не спросила, куда исчезла охрана, которую муж к ней приставил, не хотела знать, но была благодарна ему за то, что им удалось выйти из башни без происшествий.

Едва успели они ступить на вымощенный булыжником двор, как грянул гром, от которого заложило уши и содрогнулась земля под ногами. Через минуту раздался второй громовой раскат, и стремительно темневшее небо озарили языки адского пламени.

Началось светопреставление. Из зданий, подпиравших стены замка, во двор высыпали люди. Отовсюду слышались вопли женщин, крики мужчин, громовые раскаты...

— Берегитесь! — крикнул Макруайри, увлекая ее в сторону, потому что на них неслись охваченные безумным страхом лошади.

...Копыта! Ее сердце сжалось — они едва не погибли!

Конюшни, догадалась Белла. Они подпалили конюшни, и деревянные строения, набитые соломой, вспыхнули, точно вязанка хвороста.

Казалось, пламя пожирает ночь. В воздухе висел дым.

Джоан! Господь всемогущий, ее дочь!

Она рванулась было в сторону большого зала, но Лахлан, который ожидал чего-то в этом роде, удержал ее на месте.

— О девочке позаботятся, а нам нужно уходить. Стра-

жа скоро опомнится.

Холодный приступ паники сжал ее сердце в своем ледяном кулаке. Белла попыталась вырваться, но рука Лахлана держала так крепко, что она не сумела даже пошевелиться.

— Я не уйду без дочери.

Он резко повернул ее лицом к себе. Сжатые в нитку губы побелели. И Белла ахнула, потому что только сейчас поняла, какой это опасный человек — именно такой, как о нем говорили: грозный и способный на все.

Ей следовало ужаснуться, но отчего-то по коже разлился странный покалывающий жар. Посреди суеты и полной неразберихи на нее неожиданно-негаданно снизошло некое озарение. Она почти перестала дышать, ощущала лишь запах его кожного ацетона, его дыхание, но главное — жар и мощь тела воина, которое прижималось к ней и было твердым, как скала.

Тревога пронзила все ее существо, щеки вспыхнули. Да что с ней происходит? Долгие годы ее чувства были мертвы, а вот теперь надумали восстать к жизни? Из-за кого? Стыд и позор!

К суровой действительности ее вернул его хриплый недозвольный голос:

— Послушайте, графиня, если желаете выбраться отсюда прежде, чем явится ваш муженек, нам лучше поторопиться. Ваша дочь вне опасности: горит далеко от большого зала. Когда мы вышли из башни, я дал знак своим людям, так что девочку уже ведут сюда.

— Но...

Он не стал слушать.

— Решайте скорее: если вы уходите отсюда, то прямо сейчас. Времени больше нет. Так да или нет?

Белла беспомощно оглянулась назад в надежде увидеть дочь. Всем существом она рвалась туда, где царил хаос, чтобы разыскать Джоан, но теперь, когда паника немного улеглась, увидела, что Лахлан прав: пожар был совсем не такой страшный, как ей показалось, и горело довольно далеко от большого зала.

Она обернулась к Лахлану.

— Вы уверены, что ваши люди приведут ее?

Его лицо ничего не выражало, он спокойно встретил ее взгляд.

— Да.

«Разве у меня есть причины ему доверять?» — думала Белла, глядя на него. Скорее наоборот, судя по тому, что она слышала об этом человеке. Но выбора не было. Она все решила еще тогда, когда согласилась короновать Роберта.

Белла кивнула. Даст Бог, это решение не станет самой страшной ошибкой в ее жизни.

Лахлан вывел Беллу за ворота замка, и они смешались с потоком напуганных беженцев. Стражники если и взглянули на них, то лишь мельком: полно было более важных дел — потушить пожар и изловить породистых хозяйских лошадей, пока они не разбежались по окрестным полям.

Лахлан тянул ее к лесу, а она все время оглядывалась в надежде увидеть, не мелькнет ли в толпе Джоан. В тот день на девочке было платье цвета граната, затканное золотой нитью и жемчугом.

— Где же она? — не выдержала Белла. — Я ее не вижу.

Он не ответил, увлекая ее все дальше в лес. Еще немного, и замок совсем скроется из виду.

— Стойте! — вскрикнула Белла, отпрянув назад и упершись в землю каблучками туфель. — Где ваши люди? Где моя...

Пронзительный свист за спиной заставил ее замолчать. Лахлан свистнул в ответ, и через минуту из-за деревьев показались два всадника, которые вели в поводу двух лошадей. Одну из них она узнала — лошадь из конюшни ее мужа.

— Она с тобой? — спросил один из всадников.

Как и Лахлан, эти двое тоже не носили рыцарских доспехов — только потемневшие шлемы с носовой пластиной, черные кожаные акетоны, утыканные стальными пластинами, и пледы неизвестной ей расцветки.

— Да.

— Все нормально прошло?

— Да, не было ничего такого, с чем бы я не справился.

Лахлан взял поводья лошади, и Белла оглянулась — не подъезжают ли к ним остальные.

— Где же весь ваш отряд?

Один из всадников — тот, кто заговорил первым, —

26 усмехнулся:

— Мы и есть весь отряд, миледи.

Она гневно воззрилась на Лахлана.

— Тогда кто же приведет мою дочь?

Ни один мускул не дрогнул в его лице. Ничто не выдавало ни малейшего смущения. Перед ней стоял обыкновенный бесчувственный мужлан, и не больше.

— Не было ни возможности, ни времени. — Лахлан безразлично пожал плечами. — Вот смотрите: они уже потушили пожар, стражники опять у ворот.

Белла не хотела смотреть. По мере того как до сознания доходил смысл его слов и поступка, ее охватывал ужас. Она вперила в него гневный взгляд.

— Вы мне солгали!

Ее гнев не произвел на него никакого впечатления: ни извинений, ни сожаления.

— Я сделал все, чтобы мы отсюда выбрались. А девчонке лучше оставаться в замке. Там, куда мы направляемся, детям не место.

— Это не вам решать! — вне себя от ярости, воскликнула Белла.

— Ошибаетесь — как раз мне. Моим долгом было привезти вас в Скун.

— Не только меня, но и мою дочь!

Его лицо оставалось бесстрастным — разве что губы чуть сжались, — зато ее сердце, казалось, разрывалось на тысячу крошечных частиц.

Оглянувшись на замок, она увидела толпившихся в воротах стражников. Каждой косточкой, каждой жилкой своего существа стремилась она назад, пусть это глупо и безрассудно. В целом мире не было для нее живого существа важнее Джоан. Как же она может бросить дочь? Это невысказанно! Как без нее жить?

Белла перевела взгляд на всадников, ожидая помощи, но увидела лишь сочувствие в их глазах.

Лахлану надоело ждать.

— Ну как, графиня? Вы готовы отправиться с нами в Скун и выполнить то, что обещали Брюсу, или предпочтете остаться здесь, с дочерью и супругом?

Очевидно, ему было совершенно безразлично, какое решение она примет.

Никого и никогда Белла так не презирала, как сейчас этого негодяя. Она уловила издевку в его голосе. Он знал, что она в ловушке! Она не сможет вернуться, даже если забудет свой долг, отвернется от Брюса и Шотландии. Если муж схватит ее, то в живых не оставит.

Буря чувств выжигала ей горло, глаза, грудь. Какой же душой нужно было быть, чтобы поверить словам этого лжеца! Ей хотелось осыпать его бранью, ударить, наброситься на него и растерзать, а еще — упасть на землю и рыдать от отчаяния.

Однако Белла многому научилась за тем годы, когда вынуждена была скрывать чувства, и в первую очередь никогда не выказывать слабость и не давать повода причинить ей боль.

Усилием воли подавив гнев, Белла дала себе клятву, что в один прекрасный день сотрет эту самодовольную усмешку с красивого и жестокого лица Лахлана Макруайри — лица, на котором ясно читалось: «Мне плевать на все!»

Не сказав больше ни слова, Белла приняла протянутые поводья и позволила Макруайри помочь ей сесть на коня. Они пустились в путь, и Белла, чтобы никто не догадался, какие горькие чувства разрывали ее изнутри, держала спину так гордо и прямо, будто внутри у нее стальная пластина.

Ждать недолго, сказала она себе. Как только станет королем, Роберт сумеет завоевать сердца шотландцев, как уже завоевал ее сердце.

Но ей не видать покоя, пока дочь не окажется в ее заботливых руках.

Глава 2

Лахлан сидел на плоском камне рядом с Маккеем и Гордоном и с аппетитом уплетал вяленую говядину с овсяной лепешкой. Женщина, сидевшая в глубине пещеры, метала гневные взгляды, которые вонзались ему в спину, как кинжалы, но вкуса еды, слава богу, не портили.

Ему было плевать, что она там думает. Он сделал все возможное, чтобы вытащить ее из чертова замка, и не

важно, что пришлось прибегнуть к обману. Ложь, воровство, предательство — все это обычное дело на войне. И графине давно пора смириться с этим фактом, учитывая, какие маховики она собирается привести в движение.

Разве она вправе судить? Помилосердствуйте! Эта женщина только что сбежала от мужа, чтобы возложить корону на голову его злейшего врага.

Бьюкен, конечно, редкостная скотина, в противном случае Лахлан мог бы даже посочувствовать бедняге. Ему, как никому другому, было хорошо известно, что нельзя рассчитывать ни на чью преданность, и меньше всего собственной жены. Если Лахлану и требовалось подтверждение его твердой уверенности больше никогда не жениться, то вот вам еще один вопиющий пример.

Пусть катится к черту. Он сделал то, что должен был сделать, для спасения миссии. Нечего было и думать, чтобы вовремя добраться до ее дочери. Они унесли ноги едва ли не за минуту до того, как услышали грохот копыт приближающейся армии. Он ни в чем не виноват: просто выполнил задание, а уж как — не имеет значения. Никаких угрызений совести он не испытывал, а если понадобится, опять поступит так же, черт возьми, только не станет смотреть ей в лицо. Она надела маску гордости, но глаза-то не скроешь. Как она смотрела на него! Они неслись во весь опор, оставив ее дочь в замке...

Слишком хорошо Лахлан понимал значение этого взгляда, потому что много раз видел, как пытаются и мучают людей. Это была агония — чистая, неприкрытая, бесконечная агония.

Лахлан отхватил основательный кусок говядины, пытаясь заглушить стеснение в груди, хотя вряд ли это было чувство голода, болезненно поморщился и потянулся к бурдюку в надежде запить отвратительный привкус во рту. Гордон, наблюдавший за ним, спросил:

— Что-то не так?

— Чертово мясо, похоже, протухло.

— А по-моему, оно превосходно.

Пожав плечами, Лахлан сделал второй глоток: виски, жидкий огонь, выжигал любые вкусовые ощущения. Маккей тоже уставился на него, но предпочел промолчать.

Да это было и ни к чему: неодобрение было написано на лбу неистового горца.

Магнус Маккей был родом с севера Шотландии. Высокий богатырь силой едва ли уступал легендарному Робби Бойду и славился умением выживать в любых, даже самых жестоких условиях. Единственное, с чем у него были нелады, это верховая езда. Не самый искусный из наездников даже в спокойной обстановке, в критический момент он, похоже, держался на спине лошади только силой воли. После мучительной скачки всю ночь, причем половину под проливным дождем, отдых потребовался не только графине.

Маккей не любил Лахлана, но это, в общем, дело обычное. Они могли отлично ладить, лишь бы один не вздумал встать на пути у другого. Меньше всего искал он товарищества и дружбы, когда согласился вступить в ряды воинов-призраков, тайного отряда Роберта Брюса.

Нельзя не признать, что замысел был интригующий: собрать вместе самых лучших в каждом из воинских искусств. Лахлан уже видел, на что способны гвардейцы, но в одиночку им войны не выиграть. Он здорово сомневался, что вояки вроде Роберта Брюса, помешанные на рыцарском кодексе, смогут принять коварные приемы горцев.

Без сомнения, это лучшие воины, с которыми Лахлану приходилось сражаться бок о бок, но это не значило, что они могут на него рассчитывать, да и сам он не думал полагаться на них. Неверная жена преподала Лахлану жестокий урок по части доверия; в результате соратники его мертвы, сам он несправедливо обвинен, а имения его конфискованы. И Лахлан вернулся к тому, от чего ушел: жестокий убийца, война для которого — смысл жизни.

— Есть что сказать, Святой? — поддразнил он, назвав Маккея прозвищем, которое Максорли придумал для этого здоровяка, но не потому, что тот отличался набожностью.

В отличие от других солдат, Магнус никогда не говорил о женщинах. На войне, в походах, вдали от дома, сидя у костра, воины, как правило, только об этом и болтали. Лахлан намеревался выяснить, почему эта тема не привлекала

— Графиня права, — сказал Маккей, откладывая в сторону странного вида оружие, над которым трудился, пытаясь что-то усовершенствовать, то есть сделать более смертоносным. — Мы ведь должны были забрать и ее, и девочку.

— Он же объяснил, как это вышло, — вмешался Гордон прежде, чем Лахлан успел посоветовать ему заткнуться. — На это не было времени.

Уильям Гордон принадлежал к числу тех немногих, кому нравился Лахлан, и обладал уникальным даром вызывать гром и летучий огонь с помощью секретного состава на основе черного порошка, который его дед вывез из Святой земли.

— Может, и не было, но мы могли бы попытаться, если бы он нам сказал, — возразил упрямый горец.

— Каким образом? — парировал Лахлан. — Что бы вы ни сделали, это ничего бы не изменило. Моей задачей было провести вас в замок и найти женщину, а вы с Гордоном обеспечивали прикрытие, чтобы никто не торчал у меня за спиной.

Маккей кивнул, глядя на него в упор:

— Да, я бы тоже на твоём месте поостерегся поворачиваться кое к кому спиной.

Ну хоть здесь они пришли к согласию.

Гордон сбросил плед, которым укутывал плечи, чтобы стать незаметным в темноте, и, скатав наподобие валика, выжал дождевую воду на грязный пол пещеры.

— Ты был прав и в другом: ребенку здесь не место, — тихо сказал он Лахлану и поежился. — Проклятье! Жаль, что нельзя развести костер.

Они не могли рисковать. Лахлан, конечно, надеялся, что им удалось оторваться от Бьюкена на приличное расстояние, но как скоро граф обнаружит, что его жена сбежала?

Осознав, что никто больше не прожигает две дырки в его спине, Лахлан украдкой бросил взгляд в угол пещеры и увидел, что графиня последовала его совету отдохнуть, пока можно. Они здесь не задержатся.

Гордон проследил за его взглядом и сказал с явным восхищением:

— Она очень храбрая. Хотел бы я знать, зачем ей все это. Поразительная женщина.

Тем же вопросом задавался и Лахлан, поэтому фыркнул:

— Думаю, ее муж другого мнения.

— Бьюкен — поддонок, почти такой же, как этот презренный тиран Эдуард. По возрасту он в отцы ей годится...

Гордон умолк, а Лахлана вдруг охватило странное раздражение. Он отлично понимал, куда устремились его мысли: туда же, что и его собственные, каждый раз, когда смотрел на нее. Вот оттого-то он старательно отводил взгляд в сторону. Есть в ней что-то такое, чего не выразить словами.

Гордон пожал плечами и добавил:

— Такая красавица только зря пропадает с этим стариком. Лахлан повел бровью.

— Значит, молодость и красота оправдывают предательство? Надеюсь, ты столь же снисходителен по отношению к собственной жене. — Обращаясь к Гордону, он тем не менее внимательно наблюдал за Маккеем и заметил, как замер горец. — Еще не поздно взять назад брачные обеты, знаешь ли. А то не успеешь жениться, как...

— День еще не назначен, — перебил его Гордон. — Наша помолвка состоялась как раз перед тем, как я уехал на Скай.

Маккей не двинулся с места, хотя обычно он немедленно вставал и уходил, стоило кому-нибудь заговорить на подобные темы. Похоже, Лахлан ошибся в своих предположениях.

— Значит, у тебя еще есть время одуматься, — продолжил Лахлан. — Помяни мое слово: брак — все равно что «черная смерть» для души. Жены делают нас слабыми и уязвимыми.

Но вывести Гордона из себя ему не удалось: тот лишь улыбнулся.

— Одна гнилая виноградина не испортит вкуса вина в бочонке. Не все женщины такие, как твоя жена.

— И слава богу, — с содроганием произнес Лахлан.

Надо признать, Гордон прав: у каждого бывает черная полоса. Он не терзался из-за предательства Джулианы, но заплатил слишком дорого, чтобы быстро забыть. И уж точно он не прыгнет в эту сточную канаву еще раз.

32 Улыбнувшись, Гордон покачал головой.

— Кроме того, мне уже не отвертеться, даже если бы захотел. Контракт при помолвке связывает не хуже брачного. Теперь это дело чести.

— Честь не имеет никакого отношения к браку! — усмехнулся Лахман и опять взглянул на Маккея. — Какая она, твоя нареченная? Безобразная и толстая, как свинья или красавица вроде нашей графинюшки?

Гордон пожал плечами.

— Я не знаю.

Вот это поворот!

— Ты никогда ее не видел?

Гордон покачал головой:

— Нет, брак устроили наши отцы, — и добавил, будто это что-то объясняло: — Я воспитывался вместе с ее братом.

Насколько знал Лахлан, и старший Гордон, и Сазерленд были противниками Брюса.

— Ты ведь дружен с Сазерлендами, да, Святой? — саркастически спросил он у Маккея, заметив, что тот начал подниматься. — Ведь нареченная Гордона, Хелен Морийская, — дочь графа Сазерленда, и не было междоусобиц дольше и яростнее, чем между семьями Маккей и Сазерленд. Ты же видел ее?

Ладонь Маккея сжала рукоять ножа, которым он резал мясо и все еще держал в руке. Интересно!

— Да, — ответил он с воодушевлением пациента дантиста.

— Ты никогда ничего не говорил, — удивился Гордон.

Маккей равнодушно пожал плечами, хотя, как подозревал Лахлан, разговор задел его за живое.

— Мне казалось, это неважно.

Итак, Лахлан нащупал уязвимое место и намеревался вонзить туда отравленное копьё.

— Так что же ты думаешь, Святой? Не придется ли Гордону выдуть бочонок виски, чтобы набраться храбрости перед тем, как вставить своей невесте? Или он будет счастлив вонзить своего дружка промеж ее мягких бархатных ляжек?

Похоже, это перебор, забеспокоился Лахлан: Маккей аж побледнел от гнева. Однако ничего не произошло: может, привиделось?

Нет, не привиделось.

— Ты, Макруайри, злобный ублюдок. Не знаю, какого дьявола Брюс решил, что ты нужен в отряде. Ядовитая гадюка ты, а не человек.

Лахлан улыбнулся.

— Именно этим я и ценен: более совершенного оружия просто не существует.

Он хотел было еще что-то добавить, однако встревоженное лицо Гордона заставило его прикусить язык.

Проснувшись, Белла вздрогнула и огляделась, а увидев незнакомые каменные стены, даже не сразу поняла, где находится. А когда память пробудилась, отчаяние и сердечная боль прошлой ночи обрушились на нее сокрушительной тяжестью. «Господи, молю тебя: защити мою дочь, спаси и сохрани!»

Бьюкен не сделает ей ничего дурного, по крайней мере в физическом смысле. Джоан — единственное, что связывало ее с мужем. Его злобные тирады, ревность и беспочвенные подозрения никогда не касались их дочери.

Бьюкен любил эту тихую девочку с большими задумчивыми глазами, если вообще был способен на это чувство. Джоан пошла в отца своими темными волосами, голубыми глазами и классическими чертами лица. И слава богу, а то среди множества ужасных обвинений, что за годы брака супруг предъявил Белле, было бы еще рождение внебрачного ребенка.

Когда родилась Джоан, Белле исполнилось всего шестнадцать — сама еще ребенок! Она помнила, как сидела на огромной деревянной кровати с младенцем на руках и ждала, когда придет муж посмотреть на это крошечное сокровище.

В эту минуту она могла бы простить ему все, даже жестокость и грубость в их первую брачную ночь, когда он забрал ее невинность. В пятнадцать лет Белла была слишком юна для постельных утех, но граф вел себя как животное в брачный период: сгорая от нетерпения, сорвал с нее одежду, опрокинул на кровать, силой раздвинул ноги и вонзился в нее, нисколько не заботясь ни о ее возрасте, ни о невинности.

Подумать только: до свадьбы она считала его очень привлекательным: темные волосы, голубые глаза.

Да, он был намного старше, но это ничуть не умаляло его мужской силы. Он был посвящен в рыцари самим королем Александром в возрасте двадцати одного года. Он не выделялся ростом, но был силен, с плотным мускулистым телом воина.

Но очень скоро она возненавидела его физическую силу, которая поначалу казалась столь привлекательной, и его полную власть над ней.

С рождением дочери многое изменилось, и Белла могла бы забыть о разочаровании первого года брака, прояви муж к ней хоть чуточку доброты. Хватило бы одного ласкового слова, одной ободряющей фразы. Ей бы увидеть хоть немного любви в его взгляде вместо привычных вожделения и властности.

Но Бьюкен лишь мельком взглянул на нее и презрительно проговорил:

— Наверное, надо почаще делать тебе детей: разжирела, как старая корова, — такой тебя точно никто не захочет.

Его слова убили всякую надежду на счастье, иллюзий не осталось: она для него лишь шлюха, а он ее ревнивый повелитель.

Она платила ему единственной монетой, что была в ее распоряжении: уступала его притязаниям со стоическим безразличием, только выполняя долг. Чем больше старался он ее унижить — пытался спровоцировать на резкость, чтобы подвергнуть избиению, — тем холоднее она становилась, а потом ее чувства и вовсе умерли.

Страшнее всего были его подозрения и ревность. Кто же виноват, что мужчины смотрят на нее! Одевалась Белла более чем скромно, тщательно зачесывала и приглаживала волосы, как монашка, но муж продолжал обвинять ее. Якобы она строит мужчинам глазки и призывно улыбается.

Она перестала появляться при дворе короля, пряталась в задних комнатах, когда приезжали гости, но он считал, что это всего лишь хитрые уловки, и обвинял ее в том, что она сбегает из дому для встречи с любовниками. Поскольку оскорблениям и обвинениям не было конца, она перестала оправдываться и взывать к его разуму и мало-помалу стала одеваться так, как ей хотелось, причесываться

так, как нравилось, и общаться с окружающими, в том числе и с мужчинами, как нормальный человек, а обвинения пропускала мимо ушей. Научившись жить в тюрьме, выстроенной из подозрений, Белла мечтала когда-нибудь освободиться от мужа, но даже представить себе не могла, что это произойдет подобным образом.

Единственное утешение Белла находила в мысли, что супруг, какую бы ненависть ни питал к ней, не станет вымещать ее на Джоан. Только вот что подумает ее дочь, когда узнает, что мать сбежала, не сказав ни словечка на прощание? Бьюкен умел быть жестоким, расчетливым и очень мстительным. Что, если он попытается настроить девочку против матери? Как жаль, что она не посвятила Джоан в свои планы! Тогда бы дочь знала, что мама вовсе не сбежала от нее.

Белла села, пытаясь сбросить усталость. За короткий сон ей вряд ли удалось набраться сил, да и как расслабиться, если знаешь, что муж рыщет по окрестностям, надеясь ее отыскать? С тех пор как они покинули Балвени, постоянным спутником Беллы стал панический страх, от которого все внутренности буквально стягивало тугим узлом.

Бьюкен наверняка обезумел от ярости, а то, что она сбежала из-за Роберта Брюса, лишь усугубляло его гнев. На этот раз его ничто не остановит — даже если пригрозить оскопить во время сна, если он еще хоть раз ее ударит.

Оглянувшись, Белла увидела Уильяма Гордона, который явно прятался за стеной у самого выхода из пещеры. Проследив за его взглядом, она замерла, поняв, что послужило тому причиной. Неподалеку на полянке между деревьями Лахлан Макруайри и Магнус Маккей, похоже, о чем-то спорили. То есть говорил Маккей, а на лице Макруайри блуждала ленивая ухмылка, будто ему все было безразлично.

Ее гнев ничуть не ослаб за время долгой мучительной скачки предыдущей ночью. Рассвет также не принес облегчения. Господи, когда же она от него избавится? Ей долго не выдержат. Мужчины сказали, что до Скуна два дня быстрой езды; они должны прибыть на место вечером накануне коронации.

Белла направилась к Гордону и, присев на камень, заметила:

— Похоже, вашему другу Макруайри не очень нравится.

Молодой воин ответил ей приветливой улыбкой. Он был по-мальчишески красив: с мягкими русыми волосами, веселыми голубыми глазами и ровными белыми зубами. В обычных обстоятельствах она даже сочла бы его физически внушительным, но по сравнению с Макруайри и Маккеем парень не производил впечатления верзилы. Он казался приветливым и добродушным: такие готовы любить всех вокруг, — и это впечатление подтвердилось, стоило ему заговорить:

— Макруайри? Ну, он не такой злодей, каким кажется.

Белла едва сдержалась, чтобы не фыркнуть совсем не поддамски. По ней, так он отъявленный негодяй.

— Боюсь, у него не было возможности произвести хорошее первое впечатление. У него, так сказать, были связаны руки.

Белла пренебрежительно махнула рукой.

— Вам не нужно за него извиняться. Просто мне непонятно, зачем Роберт связался с человеком такого пошиба. Взять в союзники флибустьера и лицемера вроде Лахлана Макруайри значит оттолкнуть людей благородных. Интересно, сколько пришлось заплатить, чтобы купить его преданность — то есть преданность на некоторое время.

Белла вдруг осеклась. На коже выступил жаркий румянец, кровь ускорила свой бег по жилам. Инстинкт подсказывал ей, что он у нее за спиной.

— Не очень много, — бесстрастным голосом произнес Макруайри и повернулся к Гордону: — Готовь лошадей. Мы тронемся, как только вернется Маккей.

Молодой воин умчался выполнять поручение.

Она встала, разглядывая его лицо. Ничего, кроме искренности.

— Значит, вы не отрицаете?

Он выдержал ее взгляд. Без шлема, в холодном свете раннего утра он, надо признать, выглядел впечатляюще — если вам по душе смуглые пираты, от которых исходит ощущение опасности и мужской силы. Ей, похоже, это как раз нравилось — к собственному стыду. Темные волнистые волосы, поразительные зеленые глаза, чеканные, правильные черты — он был непозволительно хорош собой.

Даже смотреть на него было грешно. Как бы ни убеждала она себя в обратном, это было не отвлеченное наблюдение вроде тех, что случались за эти годы, когда ей дозволялось видеть привлекательных мужчин. Учащенный пульс, неровное дыхание, дрожь во всем теле — все признаки налицо!

Боже правый, что с ней не так?

Похоже, муж был прав. Прошла всего ночь, как Белла вырвалась из тюрьмы, а уже, точно юная девица, едва не потеряла дар речи, словно впервые в жизни повстречала красавца рыцаря. Вот только Лахлан Макруайри отнюдь не рыцарь, а она — взрослая женщина с богатым жизненным опытом.

Смушало то, что ее тело оказалось столь неразборчивым: действительно, внешне Лахлан Макруайри весьма привлекателен, зато как человек отвратителен.

— С чего бы? — Он равнодушно пожал плечами. — Деньги — хороший повод пойти на войну, куда лучше прочих.

Похоже, этот человек — циник до мозга костей.

— И то, что происходит вокруг, вас нисколько не трогает? Он криво усмехнулся.

— О нет, не все: кое-что меня очень даже занимает.

Она презрительно вскинула подбородок:

— И это, конечно, не золото и не серебро?

— Я также не прочь получить землю.

Его ухмылка приводила ее в бешенство, хотя она не понимала почему. Да и как можно понять того, кто заботится исключительно о собственном кошельке...

— Неужели нет ничего такого, за что бы вы стали бороться? Могли пожертвовать собой? Как же вера и честь? Долг и ответственность? Благоденствие вашего клана и Шотландии?

Он рассмеялся так оскорбительно, что она почувствовала себя едва ли не воспитанницей монастыря.

— Господи, графиня, вы неподражаемы! Какая страсть, какая убежденность! Посмотрим, однако, что станется с вашими высокими идеалами через пару месяцев.

Белла стиснула кулаки, чтобы не поддаться соблазну дать пощечину этому мерзавцу и стереть снисходительную

38 ухмылку с его наглого лица.

— Вы озабочены лишь собственным благополучием, не верите в дело Брюса и думаете, что он не победит?

— Если все пойдет как надо, у Брюса будет шанс, — без всякого выражения заметил Макруайри. — Но мы играем против очень сильного противника. Эдуард не будет особо церемониться с теми, кто выступил против него. — Его холодный взгляд скользнул по ее фигуре, и Беллу вдруг бросило в жар. — Даже с красавицей графиней.

Она вспыхнула.

— Я знаю, чем рискую.

Если она сама не будет сражаться за свои убеждения, то как можно требовать этого от других? Если все начнут рассуждать, как Макруайри, у них никогда не будет шанса избавиться Шотландию от железной хватки Эдуарда. Есть кое-что поважнее собственной жизни. Вот тому пример. Она верила в Роберта Брюса. Верила, что Шотландия будет свободна от английского владычества и что Брюс как раз тот человек, кто сможет избавить ее от гнета.

Она поступила правильно.

— Вот как? — Он смерил ее долгим взглядом. — Посмотрим.

Лахлан обернулся на стук копыт: подъехал Маккей, — и по мурому выражению его лица Белла поняла, что дело плохо.

— Беда, — буркнул горец.

Не столь сурового вида, как Макруайри, этот могучий воин тем не менее производил впечатление, хотя и не внушал страха. И это был один из немногих мужчин, кто смотрел на Беллу без вожеления в глазах. Лахлан выругался.

— Бьюкен?

Всадник угрюмо кивнул.

— Да.

— У нас на хвосте? — уточнил Гордон, подходя к ним с лошадьми на поводу.

— Не только, впереди тоже: устроил засаду на дороге в полумиле отсюда.

Белла пыталась унять внезапный приступ страха, от которого затрепетало сердце.

— Но как же он нас нашел?

Ее вопрос был обращен к Маккею, но ответил Макруайри:

— Ему было известно, по какой дороге мы поскачем в Скун, так что выследить нас не составило труда. А я-то надеялся, что дождь скроет следы! — Он оглянулся на спутников. — Должно быть, он сразу же обнаружил исчезновение жены.

Ледяные иглы вонзились ей в позвоночник.

— Значит, ему известно, где мы?

— Он уверен, что мы не могли уйти далеко, — ответил Маккей.

— Тогда можно съехать с дороги и направиться другим путем...

Мужчины промолчали, и ее сердце вновь вздрогнуло от страха.

— В чем дело?

Макруайри заговорил первым:

— Не все так просто. К югу от нас река, а к северу — болота. После такого дождя и думать нечего проехать там на лошадях.

— Значит, мы в ловушке?

Она задала вопрос Лахлану, которого считала среди них главным, но ни один мускул не дрогнул у него на лице. Она поняла, что разозлила его, по опасному блеску золотисто-зеленых пиратских глаз.

— Я остановился здесь, потому что лошадям требовался отдых, да и вы, казалось, того и гляди вывалитесь из седла. Эту пещеру трудно обнаружить, и я знал, что это единственное место, где мы будем в безопасности. А еще здесь сухо, и я полагал, что вас это обрадует.

Ее щеки вспыхнули: тут он, конечно, прав, — но как можно сохранять такое спокойствие, когда она того и гляди забьется в истерике?

— И что же вы намерены предпринять?

Он улыбнулся: по-настоящему, без издевки! — и если бы она не злилась так, то могла бы заметить веселые лучинки в уголках глаз.

— Ничего. Оставаться на месте и ждать.

40 — И как долго? До коронации осталось два дня.

— До тех пор, пока не надоест ему, ждать или... — Он замолк.

— Что, «или»? — в тревоге спросила она, боясь услышать ответ.

— Или когда он подберется поближе.

Глава 3

Уже смеркалось, когда Лахлан подошел к пещере. День выдался долгим: нужно было убедиться, что им удалось пересидеть людей Бьюкена и они в самом деле уходят. Ему полагалось валиться с ног от усталости, но его почему-то переполняло странное возбуждение.

Было глупо пытаться убежать от Бьюкена с такой обузой, как графиня, да еще без запасных лошадей, но после двух дней ожидания он чувствовал себя одним из львов в зверинце короля Эдуарда, которого держат в тесной клетке. Уже в который раз он пожалел, что отправил предупредить Брюса о задержке Гордона, — надо было отправиться самому!

О том, чтобы послать Маккея, не было и речи: только искусный наездник смог бы проскочить мимо постов Бьюкена. Лахлан прекрасно бы с этим справился, если бы Брюс не назначил его ответственным за эту миссию.

И что прикажете делать? Коронация назначена на завтра, а они по-прежнему в двух днях пути, в этой пещере.

Недооценил он силы и упорство Бьюкена! Наверняка отрядил половину своих солдат обшаривать округу в поисках жены. Временами они находились в опасной близости, но Лахлан выбрал укрытие очень умело, так что, похоже, наконец-то Бьюкен убрался восвояси.

Нужно выждать еще пару часов, просто на всякий случай, и можно трогаться в путь.

Дело почти сладилось — и слава богу! Поскорее бы все это закончилось!

Прошедшие два дня он жил, словно в аду, и его личным демоном была Белла Макдуфф. Хотел бы он объяснить это тем, что она настоящая язва: непомерные

требования, критика или стенания по поводу сложившегося положения, — однако ничего подобного. Лахлан был вынужден признать, что графиня отлично приспособилась к жизни, далекой от роскоши. Те благородные дамы, которых он знал, на ее месте принялись бы ныть и жаловаться на злосчастную судьбу, а надменная графиня взвалила на себя обязанность следить за чистотой пещеры и скудной утвари для еды, то и дело предлагала свою помощь Маккею.

Внешне эта дамочка была такой нежной и ранимой, зато крепости ее духа позавидовал бы и мужчина. Сильную, гордую и отважную Беллу Макдуфф не так-то просто сломить. Видит Бог, эти качества ей понадобятся, учитывая то, что ей предстояло совершить.

Вовсе не строптивый нрав и требовательность графини раздражали его. Лахлана бесила собственная реакция на ее присутствие. Было достаточно одного взгляда на ее роскошные формы, одного слова, слетевшего с ее чувственных губ, одного дуновения сладкого женского аромата, чтобы он вспыхнул вожделением. Не обращать на это внимания с каждым разом становилось все труднее.

Пещера была слишком мала, вот беда! Однажды он случайно столкнулся с Беллой и чуть не выскочил из собственной шкуры.

Она могла презирать его сколько угодно, только его дружочку не было до этого дела. Собственная слабость приводила Лахлана в бешенство: будто вернулись все те восемь лет, пока он держал себя в узде воздержания.

Собравшись с духом, прежде чем войти в пещеру, он хотел было свистом предупредить о своем приближении, когда тихий смех заставил его замереть на месте. Нежный грудной смех порхал в темноте, распаяя его кожу, как огненная ласка. Его нервы были на пределе. Каждый мускул тела напрягся. Руки сжались в кулаки — так он пытался охладить жар, когда оказывался в пределах видимости от нее, — и это уже вошло в привычку.

— Это восхитительно! — услышал бархатный голосок, согревавший и обволакивавший, как теплые сливки.

Маккей пробормотал что-то в ответ, и Лахлан почувствовал дикий прилив злобы. Наверняка Святой

вовсю распускает перед ней хвост. Вон как она с ним любезничает!

Еще несколько шагов, и Лахлан смог заглянуть внутрь. Вечерний свет запутался в светлых волосах — мягкий водопад, рассыпавшийся по спине — и озарил их золотистым сиянием. Он мысленно представил, как эти волосы щекочут кожу, точно теплый атласный покров. Ему захотелось погрузить в них пальцы, зарыться лицом, глубоко вздохнуть их благоуханный аромат.

Проклятье! В нем все кипело и бурлило, и он не знал, что с этим делать.

— Кто бы мог подумать, что сырая рыба может быть такой вкусной? — Хрупкие пальцы подцепили очередной кусочек с блюда, которое Маккей изготовил из куска дерева. Надо же, какой заботливый! — А из чего этот соус?

Маккей хихикнул, а Лахлан сильнее сжал кулаки.

— Разные травы, соль и немного вина.

— И вы отыскиали все это здесь? Магнус Маккей, да вы кладезь талантов!

Лахлан еще больше разозлился. Святой нашел пару травок, а она расхваливает его так, точно он превратил воду в вино, в то время как сам он ходил по лесу под дождем, чтобы убедиться, что поблизости никого нет и ничто им не угрожает. И какова благодарность? Он удостоился лишь сердитого взгляда, когда она была вынуждена заметить его присутствие.

Ему очень не нравилось, что никак не удастся справиться со злостью. Чего доброго врежет кулаком по довольной роже Маккея, просто так, без всяких причин, потому что ничего предосудительного в поведении их обоих не было. Казалось, графине просто искренне нравится этот горец-великан, чего не скажешь о нем — ему она выказывала лишь отвращение.

Впрочем, ему не впервой чувствовать себя чудовищем, так чего же тогда злиться?

— Это нетрудно, если знаешь, что искать, — пожал плечами Маккей, смущенный и польщенный.

Она опять рассмеялась.

— В этом-то все дело! Я бы попросила вас поделиться знаниями со мной, только, боюсь, я безнадежна по части растений. Вот Джоан...

Она вдруг умолкла, и Лахлан напрягся, опять ощутив ту раздражающую пустоту в груди. Будь он способен на что-то подобное, мог бы решить, что это чувство вины, но тратить время на то, чтобы бить себя кулаками в грудь из-за того, чего все равно не изменить, не стал.

— Вот моя дочь хорошо разбирается в растениях, — продолжила Белла, и в ее голосе он услышал тоску.

— Вы беспокоитесь за девочку, — с неожиданной нежностью проговорил горец.

Графиня кивнула. Лахлан не видел ее лица, но не сомневался, что глаза ее налились слезами. Она едва не плакала всякий раз, когда говорила о дочери.

— Ведь Бьюкен ее не обидит, — продолжил Маккей, и в его голосе послышались стальные нотки.

Она покачала головой.

— Нет-нет, не думаю, но она знает о моих планах. Я никогда не говорила, что собираюсь куда-то забрать ее с собой. И теперь опасаюсь, что он забьет ей голову ужасной ложью. Мне просто жаль...

Она умолкла, стиснув зубы и сжав губы, и догадаться, о чем она думает, было несложно.

— Мне он нравится ничуть не больше, чем вам, — сказал Маккей. — Но Макруайри — да и никто другой на его месте — в любом случае не смог бы добраться до вашей дочери вовремя. А тут еще взрыв и ваш муж у самых ворот. Я видел, как Лахлан выбирался из самых немыслимых ситуаций, однако выкрасть женщину с ребенком из крепости вроде Балвени, когда вокруг полно людей вашего мужа, вряд ли кому-то вообще по плечу.

Проклятье! Еще не хватало, чтобы Маккей его защищал! Решительным шагом Лахлан вошел в пещеру, не обращая внимания на Маккея с его укоризненным взглядом — почему не дал условленный сигнал? — и остановился в нескольких шагах от того места, где они сидели.

Ему захотелось вдохнуть ее благоуханный аромат, но он запретил себе даже думать об этом. Как этой женщине удастся так хорошо пахнуть после двух дней в пещере? И про себя опять проклял Маккея: который дал ей это чертово мыло.

Когда графиня взглянула на него и он заметил в глазах ее слезы, чувство досады больно кольнуло в груди.

— Простите, — начал Лахлан, не вполне осознавая, зачем это говорит, — но я был вынужден оставить вашу дочь в замке.

Он мог бы поклясться, что слышал, как у Маккея отвалилась челюсть. Графиня, казалось, удивилась не меньше, судя по ее взгляду. Однако на сей раз она отвела глаза не сразу.

Она так внимательно рассматривала его лицо, что Лахлану было неловко, хотя он знал, что ничего ей увидеть не удастся.

— То есть вы извиняться за ложь не хотите? — уточнила Изабелла.

Лахлан покачал головой.

— Нет. Я должен был вытащить вас оттуда. Вы бы стали сопротивляться, а нам нельзя было терять ни минуты.

— Но что, если бы я отказалась ехать без дочери? Вы увидели такой исход?

Он ответил ей суровым немигающим взглядом.

— Может, это вам следует поблагодарить меня за то, что не вынудил вас принять такое решение.

Она ахнула и удивленно взглянула на него, когда осознала жестокий смысл этих слов. Она так гневалась из-за его лжи, что не подумала, чем могло бы все закончиться, скажи он правду. Ей пришлось бы делать выбор между дочерью и обещанием, данным Брюсу, между долгом и материнской любовью.

Выражение лица графини подсказало ему, что она наконец-то поняла причину его поступка.

— Постарайтесь немного поспать, — буркнул Лахлан, отворачиваясь. — Последний из солдат вашего мужа уехал сегодня днем. Мы тронемся в путь через несколько часов и будем скакать без остановок. Не знаю, долго ли Брюс согласится ждать.

Кажется, она была рада сменить тему.

— Вы уверены, что Уильям добрался до Скуна?

— Да, но не думаю, что Брюс станет тянуть с коронацией: ждать слишком рискованно.

Она кивнула, затем, извинившись, покинула мужчин на несколько минут. Лахлан старался не смотреть ей вслед.

Маккей встал и начал собираться. Ему предстояло стоять на часах, пока Лахлан будет спать — по крайней мере постарается уснуть, если это возможно неподалеку от графини. Макруайри постоянно чувствовал на себе его взгляд, наконец не выдержал:

— Ну говори уже!

— Оставь ее в покое, Макруайри! Бедная женщина достаточно натерпелась. Бьюкен превратил ее жизнь в ад.

Лахлан шагнул вперед, кровавая пелена заслонила ему глаза.

— Что ты хочешь сказать? Он ее бил?

Маккей ответил ему долгим взглядом, явно недоумевая, отчего командир так взъярился.

— Не знаю, но то, что измучил, верно: все время держал под замком.

Лахлан вспомнил про караульных в дверях ее покоев и еще двоих у подножия лестницы.

— Почему?

— Тиран хотел держать жену в узде, да покрепче.

Лахлан насупился, поскольку лучше, чем кто-либо другой, знал разрушительную силу ревности, как оправданной, так и беспричинной. Интересно, был ли у ее мужа повод ревновать? Он с подозрением взглянул на Маккея.

— Почему она тебе все это рассказала?

— Она и словом не обмолвилась: просто я сам сложил два и два из того, что слышал. А насчет «почему»... я ведь не пялюсь на нее, как ты. — Маккей помолчал, устремив на него испытующий взгляд. — Почему тебя это так интересует?

— Не интересуется.

У Макруайри появился повод взглянуть на ситуацию по-другому. Может, в этом причина ее разлада с мужем?

Ясно, что Маккей ему не поверил.

— Я видел, как ты на нее смотришь. Она красивая женщина — красивая, но замужняя женщина, которой придется дорого заплатить за то, что ей предстоит. А тут еще ты, со своими вздыханиями.

Лахлан не желал выслушивать мораль — ни от Мак-

46 кея, ни от кого бы то ни было еще. Разумеется, он ее

вождем: нужно быть евнухом, чтобы воспринимать эту женщину иначе, — но однажды ему довелось вспылать безумной страстью, так что хватит, достаточно.

Уж кому-кому, но Маккею лучше подумать о себе.

— Если я ее захочу, неужели ты думаешь, что меня останавливает брачный контракт?

Маккей взглянул на него с отвращением и буркнул, выходя из пещеры:

— Маклауд был прав: у тебя змеиная душа.

Что ж, вождю Шотландской гвардии виднее. Собственно, потому Лахлан здесь, разве не так? Выполнить задание, не задавая вопросов, — вот его метод.

Лахлан не сдержал усмешки.

— Пусть так, однако я по крайней мере не сохну по невесте лучшего друга.

Маккей вздрогнул, и он понял, что стрела попала в цель, а значит, надо внимательно наблюдать за руками воина, чтобы не попасть впросак, если тот схватится за оружие.

Охваченный яростью, Маккей тем не менее был достаточно опытен, чтобы позволить Лахлану заманить его в ловушку.

— Держись от меня подальше, Макруайри! Расточай свой яд в другом месте.

Не говоря больше ни слова, он стремительно вышел из пещеры.

Белла любила верховую езду. Только ради прогулки верхом муж отпускал ее на свободу — пусть и под бдительным присмотром дюжины солдат, призванных не столько охранять, сколько не допускать контактов с ожидавшими под каждым кустом любовниками. Но после сорока часов в седле — к тому же под дождем — ей казалось, что она больше никогда в жизни даже не посмотрит на лошадь.

Она считала себя хорошей наездницей, но, похоже, заблуждалась: после того как они были вынуждены держаться подальше от дорог и ехать через лес и прочие труднопроходимые места, тряска от быстрой скачки сделалась невыносимой. По сравнению со своими сопровождающими Белла казалась себе малым ребенком, который только учится ходить.

Время от времени они делали остановки — чтобы дать передышку и ей, и лошадям. Маккей уже начинал уставать, это было заметно, однако Макруайри, казалось, мог проскакать еще сутки без отдыха.

Как пирату удалось выучиться так замечательно сидеть в седле? «Ведь чужеземные гэллы», норвежские потомки Сомерледа, были опытными мореплавателями, про которых говорили, будто они и рождаются на своих галерах.

Она взглянула в его сторону и немедленно пожалела об этом. Пират тут же отвернулся, но она успела заметить выражение его глаз: пристальный, яростный, обжигающий взгляд — вожеление в его самом первобытном проявлении.

Он так напугал ее, что Белла с трудом подавила рвавшийся из груди вскрик и сделала вид, будто ничего не заметила, однако внутренности словно опалило огнем, живот пронзила нервная дрожь, а в совершенно недопустимом месте разлился щекочущий жар.

Ей уже случалось ловить такие горящие взгляды. Макруайри ее хотел, но не желал, чтобы она об этом знала. Он, как и другие мужчины, смотрел на нее с одной-единственной мыслью на уме, просто обладал лучшей способностью держать себя в узде.

Белла уже была предметом безумной страсти мужчины и повторять ей не хотелось. Мужа с самого начала злило ее равнодушие. И он, похоже, решил, что может вырвать у нее ответное чувство, требуя ласк все более низкого свойства. Но чего бы он от нее ни требовал, как бы ни мучил, ему не удавалось ее запугать: не позволяла. Бьюкену так и не довелось порадоваться ее унижению.

Гораздо позже Белла поняла, что муж думал, будто может силой заставить ее испытать удовольствие. Только она оставалась бесчувственной, и тогда он обвинил ее в холодности и отсутствии женственности.

Какая ирония! Одним пылающим взглядом Лахлан Макруайри заставил ее почувствовать больше, чем муж со всеми своими затеями.

Собственная реакция приводила Беллу в замешательство. Хорошо хоть Лахлан, кажется, тоже не горел же-

ланием ее замечать. Не одной Белле хотелось, чтобы путешествие поскорее подошло к концу.

Они скакали еще несколько часов, мужчины по очереди ехали то впереди, то сзади, — и так продолжалось до тех пор, пока она не поняла, что больше не выдержит.

Белла покачнулась в седле, и Лахлан — должно быть, опять за ней наблюдал, — сказал:

— Мы сделаем остановку чуть дальше, чтобы напоить лошадей, а через несколько часов нам следует въехать в окрестности Скуна.

Радость при мысли, что будет передышка, а потом тяжелое испытание и вовсе подойдет к концу, заслонило для нее все остальное. Забыв, с кем говорит, Белла тяжело вздохнула и улыбнулась.

— Слава богу!

На миг Лахлан изумился, даже смутился: она впервые ему улыбнулась. Даже так: впервые в ее взгляде он не увидел ни презрения, ни злости.

Белла поняла это в ту же минуту, что и Лахлан.

Они смотрели в глаза друг другу на миг дольше, чем обычно, прежде чем она отвернулась, чувствуя странное смущение еще и оттого, что осталась с ним наедине.

Потом он заговорил — с необычной мягкостью в голосе, будто опасался нарушить временное перемирие:

— Думаю, для нас будет великой радостью, когда все закончится. — Лахлан снова поймал ее взгляд, и Белла почувствовала странную дрожь во всем теле: глаза пирата обладали... поразительной силой. Их взгляд пронзал насквозь... нет, держал и не отпускал. Прозрачные, как кристалл, менявшие цвет, эти глаза казались колдовскими. — Вы проявили завидную выдержку, миледи. Сожалею, что пришлось гнать вас вперед, однако это было необходимо, чтобы не упустить единственный шанс прибыть в Скун вовремя.

Он извиняется уже во второй раз! И опять Белла была застигнута врасплох. Лахлан Макруайри казался последним мужчиной на земле, кто стал бы извиняться за что бы то ни было, и она не совсем понимала, как к этому относиться, как вообще относиться к нему.

Белла была вынуждена признать, что кое в чем Лахлан прав. Он избавил ее от необходимости совершить страшный выбор между дочерью и долгом. Он продолжал ей лгать, и она понимала, что ему нельзя доверять. Но, может, не такой уж он бессердечный разбойник, каким она его сначала представляла?

Бессердечный разбойник не станет накрывать вас пледом ночью, когда вы спите в сухой пещере, а он часами мокнет под ледяным дождем. Вчера утром, проснувшись в тепле и уюте, она сразу же узнала плед в темно-синюю и серую клетку — он носил его, набросив на плечи. Но как — и почему — этот плед, в конце концов, оказался на ней?

А как не восхищаться тем, как умело делал он свое дело! Не считая кротких передышек, Лахлан брал на себя львиную долю дежурств, спал мало и проводил долгие часы в седле в холод и дождь. Когда отвязалась одна из лошадей и забрела в болото, именно Лахлан отправился ее искать и проторчал больше часа в промозглой вонючей болотной жиже.

Интересно, что сделало его таким циничным? Неужели ему и вправду безразлично все на свете? Тут крылась какая-то тайна, и она против собственной воли ощутила некоторое любопытство. Белла нахмурилась. Нет. Ей очень даже любопытно.

— Как по-вашему — они будут ждать? — спросила она, возвращаясь к тому, что действительно должно было ее интересовать.

Лахлан повел бровью.

— А вы хотите, чтобы они ждали?

Вопрос застиг Беллу врасплох. Подумать только, через что ей пришлось пройти, чтобы добраться в Скун! В таком случае, разумеется, ей хотелось довести дело до конца. Однако, после долгих дней, когда ее преследовали люди Бьюкена, Белла уже сомневалась, что готова к тому, что последует дальше.

Но, кажется, ее мысли приняли опасный оборот и вторят предостережениям Макруайри? Собравшись с духом, Белла храбро встретила его взгляд.

— Разумеется, хочу.

50 Это не просто ее долг. Она не может иначе. Роберт Брюс не только лучшая для Шотландии возможность

сбросить иго английской тирании. Это единственный человек, который способен объединить страну. И Белла сделает все, что в ее силах, для того, чтобы это произошло. Это ее шанс совершить нечто важное.

Она достойна большего, нежели раздвигать ноги для удовлетворения мужской похоти.

Лахлан спешился, привязал коня к дереву и помог ей сойти на землю. Белла старалась не замечать, что его руки обнимают ее талию. Лучше бы это был Магнус: в его присутствии ей не было так... тревожно, — но Магнус смотрел на нее как друг в отличие от Макруайри. Тот, казалось, готов был сорвать с нее одежду и вылизать каждый дюйм ее тела.

Эта мысль должна была показаться ей отвратительной, но, напротив, пульс ее участился, по коже разлилась жаркая волна. Какова бы ни была природа этого чувства, оно делалось настойчивее, требовательнее, и это ей совсем не нравилось.

— Магнус знает, где нас искать? — чуть дрожавшим голосом, выдававшим ее волнение, спросила Изабелла.

При упоминании Маккея по лицу Лахлана прошла черная тень, и он резко отпустил ее. Белла покачнулась — после долгой скачки ноги были как ватные.

— Да, он нас найдет. И тогда будьте готовы ехать дальше.

Коротко кивнув, он отошел и занялся лошадьми.

Наблюдая за ним, Белла хмурилась, гадая, чем вызвана эта вспышка злости: ведь только что они разговаривали вполне дружески.

Она сняла сумку, притороченную к седлу, и пошла к озеру.

— Куда вы? — окрикнул он.

— Искупаться. — Он собирался возразить, но она перебила: — Не могу же я предстать перед новым королем Шотландии точно грязная нищенка.

Пират сощурил свои колдовские глаза.

— Будьте осторожны и постарайтесь не исчезать из виду.

Белла порадовалась, что уже повернулась к пирату спиной и он не видит, как она покраснела. Ей хотелось хорошенько вымыться и привести себя в порядок, но совсем ни к чему, чтобы он при этом на нее глазел.

Покончив с неотложными делами, Белла быстро оглянулась по сторонам, сняла одежду и, стиснув зубы, бросилась в ледяную воду озера. При помощи обмылка, что дал ей Маккей, она вымыла голову, а кусок ткани использовала как мочалку. От холода зубы начали выстукивать дробь.

— Графиня!

О господи! Только этого не хватало!

— Да, я здесь, — отозвалась Изабелла, в спешке промокая волосы полотенцем. — Дайте мне еще минуту!

Дрожа от холода, она протянула руку к сорочке, но прежде чем успела ее натянуть, кто-то схватил ее сзади.

Мимолетная мысль, что это Макруайри, исчезла, как только она почувствовала запах. Для разбойника Макруайри слишком уж чистопахотен. От него всегда приятно пахло: теплый запах кожаного акетона и легкий мужской аромат, — а от этого несло потом и прогорклым луком.

Господи, она попалась!

Кровь застыла в жилах. Беллу охватил ужас, каждый нерв кричал об опасности, и первым побуждением было бежать. Она попыталась закричать, вырваться, но негодяй зажал ей рот рукой и, обхватив другой за талию, поволок в чащу леса, прошептав на ухо:

— Не усугубляйте свое положение, миледи, оно и так хуже некуда. Графу не терпится с вами увидеться. — Он мерзко хохотнул. — Хотя, готов спорить, он не ожидает, что увидит все и сразу.

Что-то в его голосе заставило ее насторожиться, и она поняла, что не ошиблась, когда рука в перчатке скользнула вверх и сжала грудь. Белла по-настоящему запаниковала, стала вырываться, но это его, похоже, лишь распалило, и он еще сильнее стиснул грудь.

— Теперь понимаю, отчего твоему муженьку так не терпится тебя заполучить. Никогда не видел таких сисек! Не будь ты женой Бьюкена, я прямо сейчас бы тебя оседлал.

Внезапно у них за спиной раздался звук, который не спутаешь ни с чем: кланицы стали ее похититель тоже услышал.

— После того как мои люди разделяются с этим мя-

Господи, Лахлан! Страх с неожиданной силой пронзил ей сердце.

Этого человека она никогда не выбрала бы себе в провожатые, но сама мысль, что в эту минуту он, возможно, сражается не на жизнь, а на смерть — или уже мертв, — была невыносима. Поразительно, но так.

Белла обмякла, будто боевой дух покинул ее. Нет, нельзя, чтобы похититель вернул ее мужу, она будет драться до последнего. Уловка удалась: он поверил, что она смирилась, да и в лесу внезапно стало тихо, и он ослабил хватку.

Возможность вскоре представилась, и Белла ее не упустила: что есть силы впилась зубами в грязную мясистую ладонь, ударила по ноге и вонзила локоть в самый центр увесистого живота. Хрюкнув, застигнутый врасплох похититель разжал руки: скорее от неожиданности, чем от боли, — и она нырнула в ближайшую прогалину между деревьями, понимая, что у нее всего несколько секунд прежде, чем он придет в себя.

— Ах ты, су...

Раздался тошнотворный звук — что-то хлопнуло, — и он умолк, не договорив.

Белла улучила миг и бросила взгляд назад. Ее похититель пошатнулся, как огромный дуб, прежде чем рухнуть. Из горла его торчала рукоять кинжала.

Не успел он повалиться на землю, как из-за деревьев бесшумно вынырнул Макруайри, наклонился над умирающим, выдернул кинжал и хладнокровно и умело перерезал ему горло.

Его взгляд отыскал Беллу.

— Вы целы?

В его голосе было столько тревоги, что ей немедленно захотелось расплакаться, как плакала, будучи маленькой девочкой, и бежала за утешением к матери, когда что-нибудь случалось.

Не в силах вымолвить ни слова, Белла только кивнула.

— Опасности больше нет, так что можете выходить.

Ее буквально затопила радость, из глаз брызнули слезы. Пират бросил на нее один-единственный взгляд, когда она вышла из зарослей, и окаменел, а она совсем забыла, что не успела одеться. Он не отрываясь смотрел ей